

«Когда меня не будет в этом мире
Я не хочу бесследно раствориться –
Хочу в другом, пусть не живом эфире
Еще хоть раз кому-то пригодиться.

Согрев своим теплом дождинку,
Скатиться по щеке, как знак прощенья;
А может осветить во тьме тропинку
И указать кому-то путь спасенья...»

И. Филус
IX.2004

**«НАМ ДАН ПРИМЕР СВЯТОГО СОВЕРШЕНСТВА...»
(ПАМЯТИ ИРИНЫ ФИЛУС)**

В.В.Селегей

Поэтический этюд, взятый мною за эпитафию, Ира написала незадолго до своего рокового часа. Эту поэзию я бы обозначил как «Предчувствие» потерять возможность и потребность ее души быть всегда полезной для кого-то.

Безысходность не знает слов утешения. После ухода из жизни кого-либо из нашего окружения, степень испытываемой безысходности определяется не только потерей того пространства, которое занимал этот человек в нашей жизни и не только масштабом его личности, но, прежде всего, не реализованным потенциалом его добродетелей, талантов, задуманных им свершений, которые уже никто другой не состоятелен реализовать. И никто и никогда уже не осчастливит ими осиротевших сыновей, друзей и соратников по общим целям.

Давно известна аксиома: если человек талантлив – он талантлив во всем: в профессии, в умении любить, в восприятии поэзии, музыки, природы, в таланте выражать свои чувства и мысли, в понимании своего окружения...

Таким талантливым человеком была Ира – в стихах, в акварелях, в резьбе по дереву, в общении, в своей яркой мечте построить в заповеднике «Визит-Центр», в трепетной любви к Телецкому озеру и Алтайскому заповеднику, в преданности друзьям и соратникам, в почитании Бога и преклонении перед ним, в умении сглаживать острые углы далеко не простых отношений в изолированном посёлке, не озлобляться в часы невзгод и страданий и не терять чувство меры в редкие минуты восторженного счастья...

Это она открыла мне бытовую методологию познания – понимать и воспринимать сначала душой и сердцем, а потом уже разумом наше окружение, новых людей, процессы и явления в природе и жизни – и тогда можно будет гарантировать наше творческое преуспевание в ней. Но при этом она никогда не теряла достоинство, не принимала импульсивных решений и крайне редко ошибалась в оценке людей.

Ира была напроць лишена необходимости и «таланта» меркантильно строить свои отношения в семье, в коллективе, с друзьями, с гостями заповедника и озера, а ее второй натурой было абсолютное бескорыстие. Искренние и открытые люди уже тем значительны, что они не умеют лгать и лицемерить и никогда не живут по двойным стандартам.

Среди нас работал и жил светлый человек с чистой душой и без потаенных мыслей, с неукротимым желанием реализовать свою мечту, всегда безупречный в поведении, деликатный в отношениях, с благородными поступками и помыслами. Даже в тривиальной бытовой беседе Ира талантливо умела находить нужное и нестандартное слово, легко уловить и четко выразить ключевую мысль темы, передать свое ощущение события или понимание собеседника...

К сожалению, многие из нас прозрели в понимании Ирины Филус только потеряв ее. Это свойственно нынешнему сообществу людей воспринимать и светлую и темную личности одинаково равнодушно и даже безразлично, но потом громко обвинять всех вокруг когда стал

жертвой серой личности или восхищаться светлым человеком лишь в день его смерти, сделав открытие для себя: «Боже мой, какого человека мы потеряли!»

Ирина – яркий представитель неутомимых исследователей природы Алтайского заповедника. Она могла неделями жить в одиночестве в заброшенной заповедной избушке, наблюдая за лосями или бесстрашно и также в одиночестве преодолевать абсолютно незнакомые ей и суровые горно-таёжные тропы, форсировать в брод горнотаежные речки с ледяной водой.

Однажды, в составе небольшой мужской экспедиции, она преодолевала высокогорную тундру и «ломала» Чолушманские белки по звериным тропам. Мужчины-джентльмены, несмотря на ее горячие протесты, облегчили ее рюкзак на консервные банки и ботанические планшеты. Она тут же незаметно заменила их вес аналогичным весом камней и спокойно, не отставая от мужчин, без нытья добралась с ними (камями) до устья Чолушмана.

Это не было проявлением феминизма – она никогда не теряла своего обаяния и утонченной женственности. Ира, прежде всего, испытывала себя на прочность и способность на равных с опытными горно-таёжниками исследовать тундру и горные хребты заповедника.

Это помогло ей в будущем впервые в истории заповедника осуществить зимние «безизбушечные» походы в бассейн суровой Чульчи. Она первой подтвердила не только наличие в «третьем» Алтайском заповеднике «краснокнижного» аргали (горного барана), но и его размножение на территории заповедника (а наблюдать их приходилось лишь на «трехтысячниках» горных хребтов). Многие годы Ира, в сумерках утренней зари, профессионально изучала поведение копытных на солонцах, в том числе и тогда, когда на маралов и косуль в это же время охотились волки, медведи и браконьеры. Она описала уникальный случай результативной охоты снежного барса (ирбиса) на крупного марала – самца.

Ее общение с живой природой в заповеднике стимулировало развитие ее поэтического таланта. Здесь же рождались и ее акварельные сюжеты. Ира, что называется, с отличием закончила «душевный университет природы» в Алтайском заповеднике еще в 1980-е годы. Но при жизни так и не получила своей «золотой медали». К сожалению, признание к ней пришло лишь после смерти (так уж устроено наше сообщество).

Ее стихи и акварели опубликованы в журналах Москвы (2005 г.), Новосибирска (2005, 2006 гг.) и даже в США (2005 г.). В Иркутске (2007 г.) ее мама, заслуженный врач России Александра Ефимовна Амбросимова, издала их отдельной книгой. Предисловие к стихам и рисункам Иры написал известный иркутский литератор Владимир Скиф и книга вышла под его проникновенным названием «Источаемый сердцем свет». Новосибирские друзья Иры в разные годы организовали выставки ее акварелей в крупных городах Сибири, но увидела она лишь одну – в Новосибирской Государственной Публичной Библиотеке СО РАН в последнее свое лето 2004 года.

Ира была наделена редчайшим человеческим качеством личности – цельностью натуры. Находясь одновременно в «статусе» дочери, сестры, жены, матери, подруги, друга, соратника, коллеги, сотрудника, собеседника, попутчика на тропе, она при этом всегда оставалась одинаковой и неизменной на любой этой «должности»: добропорядочной, честной, обязательной, надежной, щедрой, искренней, открытой, деликатной... От нее всегда веяло теплом человеческого участия.

Еще в середине 1960-х годов в п. Яйлю, в качестве компенсации жертвам политических репрессий, одну из прибрежных усадеб поселка получила от краевых и областных властей семья Жебровских – одинокие мать и дочь – поэтический романтик Мильда Федоровна и прагматичный садовод Лилия Юрьевна. Вскоре, в этой теперь уже частной усадьбе, поселился в качестве главы семьи генерал-майор запаса Холод Михаил Дмитриевич, отказавшись от генеральской квартиры в Крыму.

В течение почти четверти века Ира Филус самоотверженно шефствовала над этими интеллигентными и оптимистичными аристократами духа, превратившись буквально в дочь и внучку таких же бескорыстных, как и она Телецких садовода, цветовода и пчеловода, опекавших в этих направлениях практически все усадьбы жителей Телецкого побережья. Все трое умирали на руках Иры и похоронены на поселковом погосте ее заботами.

Получив в наследство их усадьбу, Ира даже не планировала использовать ее в частных целях, а решила превратить ее в давно задуманный «Визит-Центр» с музеем природы Алтайского заповедника, а на земельном участке поселить дикоросы заповедника.

Побывав в музеях Финляндии, Ира тогда уже решила заменить химическую таксидермию экспонатов музея будущего «Визит-Центра» на изготовленные резьбой по дереву скульптуры птиц, раскрашенных акварелью, тушью, гуашью под их природную окраску. И добилась в этом новом для себя искусстве поразительных успехов, оставаясь самобытным художником с поэтическим мышлением. Эта орнитофауна заповедника в музее не подвластна времени, доступна рукам детей и не вызывает в подсознании сожаления о загубленной жизни птиц ради получения музейных экспонатов.

Проработав в Алтайском заповеднике более четверти века Ирина Филус опубликовала около полутора десятка научных работ, добытых в тяжелых экспедициях по заповеднику. Круг ее научных интересов постоянно расширялся. Будучи человеком увлеченным, неутомимым и раздвигая рамки своих интересов к лосям, маралам, северному оленю, аргали, к снежному барсу она одновременно увлекалась зооботаническими и орнитологическими наблюдениями и исследованиями. В круг ее интересов вошли экопросвещение и природоохранная публицистика (чего стоит только одно название ее статьи «Боль тайги и крик души», 2003 г.). Четыре ее научные работы использованы для аргументации статуса «краснокнижник» Алтая.

Последние годы Ира работала заведующей музейными коллекциями Алтайского заповедника, продолжая ежегодно тропить горы, тундру, речные долины и высокогорные озера. Она готовит для будущего музея экспонаты, научные зооколлекции, гербарии. Увлеченно работает над историографией научных исследований в Алтайском заповеднике за 75 лет его богатейшей истории. Занимается резьбой по кедру, пишет очаровательные акварели и проникновенные, полные светлой печали и грусти, стихи, возможно, уже находясь в состоянии того «Предчувствия».

Общаясь с Ирой почти три десятилетия, я могу утверждать – источником ее поэтического вдохновения всегда было уединенное пребывание на широких заповедных просторах. Будучи человеком предельно скромным и не честолюбивым, она глубоко ценила и любила заповедник в себе, а не себя в заповеднике (чего не скажешь о большинстве нынешнего поколения руководителей разных рангов в заповедной системе России, готовых извлекать из заповедников материальные, а не духовные и научные ценности).

В неуправляемые 90-е годы Ира была в числе немногих сотрудников Алтайского заповедника, которые на каждом заседании Научного Совета упорно отстаивали русскую классическую концепцию заповедования территорий как «эталонных участков биосферы с абсолютным невмешательством в природные процессы». В силу обвального экономического спада и в результате произвола директорского корпуса блестящий и справедливый Федеральный Закон о заповедниках 1995 г. не работал в России до середины первого десятилетия нового века, когда он лишь робко начал править заповедниками.

С какой душевной болью, которую я разделял полностью, говорила она мне о браконьерском беспределе в заповедниках, о неуправляемом развитии так называемого «экологического туризма», в том числе на территориях даже биосферных заповедников (Кроноцком, Катунском, Кавказском), хотя в Федеральном Законе о заповедниках 1995 года отсутствует даже слово «туризм».

Ирина системно занималась важнейшей научной темой – оценкой динамики численности копытных и их миграциями. Она с интересом и пониманием проблемы откликнулась на мое предложение оценить влияние массового браконьерства 1990-е годы на динамику численности промысловых видов. Но подобная научная тематика в современных заповедниках обречена и не имеет ни методической, ни организационно-финансовой, ни транспортной перспективы для научного отдела, т.к. по сути, эта тема – показатель состояния и эффективности охраны заповедника (парадоксы заповедной эпохи 1990-х годов).

В конце 90-х годов, Ира, скорее по собственной инициативе, чем по моей, заинтересованно собирает архивные материалы и старые фотографии для моих «Очерков истории Телец-

кого озера» (все еще не опубликованных). Тогда же мы договорились с ней о передаче в будущий музей архивы российско-бельгийских исследовательских работ на Телецком озере в 1994 – 2001 годах. Она готова была принять архивы по подготовке упомянутых выше «Очерков...» - климатические, картографические, фотоархивы, ксерокопии литературных источников XVIII – XX веков, письма исследователей озера, библиотеку и некоторые исторические экспонаты по Телецкому озеру, накопившиеся у меня за 16 лет жизни на озере. Увы! Все рухнуло в одночасье.

Высокий полет ума и души светлого человека Иры Филус прервался 7 февраля 2005 года в расцвете таланта (52 года), накопленного опыта и глубоких знаний предмета.

Перспективы открытия на центральной усадьбе заповедника «Визит-Центра» и Музея природы превратились в одно мгновение в мираж – истинные таланты незаменимы.

По генетическому коду наследственности, которому принадлежит «контрольный пакет акций» продолжительности нашей жизни, Ира должна была бы прожить до 80 –90 лет, но сработал «блокирующий пакет акций» - социально-географические условия жизни и реализации профессии. Еще до рокового года она как-то осмелилась проехать верхом на норовистой лошади и не удержалась в седле, возможно, получив при падении и ушибе головы гематому. Я не исключаю: на развитие заболевания могли повлиять ее неутомимые походы по горным тропам, в том числе беспрецедентная зимняя «безизбушечная» экспедиция по суровой Чульче, с температурой воздуха до – 30°С.

Как правило, мы «накручиваем» свою судьбу сами, хотя и не без «помощи» окружающих нас людей, своей профессии и образа жизни. Только на трагическом примере смерти Иры Филус я понял истинную цену трогательно-душевного призыва «Берегите себя!»

Покидая этот мир, каждый из нас оставит после себя сыновей, дома и деревья, а талантливые дополнят свое наследство и память о себе стихами, музыкой, картинами, книгами, садами, музеями, мостами, а теперь еще и интернет-сайтами.

Ушедшие от нас продолжают жить с нами до тех пор, пока мы их помним. Я глубоко убежден: рано или поздно, но «Визит-Центр» и Музей природы Алтайского заповедника будут построены и там найдется стенд-уголок памяти благородной и самоотверженной, неутомимой и увлеченной, светлой и талантливой Ирины Филус с ее стихами, акварелями и рожденной из кедра орнитофауной Алтайского биосферного заповедника.

В. Селегей

Заслуженный метеоролог РФ, ст.н.с. АГПЗ

07.02.2007.